

НАША СТРАНА

Год издания 69-й. Буэнос Айрес, 7 мая 2017

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 7 de mayo de 2017 No. 3060

«ЗАХВАТИЛО ДУХ И ТЕСНО В ГРУДИ»

К 35-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ДУБРОВСКОЙ

Татьяна Владимировна Киреева родилась в Югославии, в семье правоведа, 9 ноября 1924 года и скончалась в Буэнос Айресе 9 мая 1982-го. Я был в это время на фронте Мальвинской войне и не смог отдать ей последнее целование.

После смерти в ноябре 1966 года её мужа, Всеволода Константиновича Дубровского, в сей быть может самый тяжелый год её жизни, некоторые эмигрантские «монархические» деятели сразу же пошли на неё войной. Помнится, я с грустью, болью и возмущением наблюдал отвратительную попытку иных «соратников» помешать ей в издании газеты (думая, что это принесёт пользу их собственным листкам); попытку дискредитировать её и подорвать доверие к ней читателей.

Я был уверен в бесплодности этой гнусной затеи, но сие служило слабым утешением, потому что больно и стыдно было считаться в одном общественно-политическом лагере с людьми, понимавшими патриотический долг только в сведении личных счётов и в удовлетворении своих мелких честолюбивых потребностей. Им было безразлично, что они таким образом причиняли вред нашему национальному единству.

1945 год. На службе в гражданском отделе Власовской Армии

Я видел как, с уходом Всеволода Константиновича, Татьяна Владимировна делала всё что могла, чтобы не дать погаснуть газете или даже померкнуть. И я устремился ей помочь. Со своей стороны, она оказала мне огромное доверие предоставив в 1967 году работу по редактированию «Нашей Страны» и мне довелось 15 лет с ней сотрудничать, наблюдать над этим прекраснейшей души человеком, который ни о ком никогда не произнёс ни одного осудительного слова.

Помню, порою, когда я в её квартире-редакции на буэнос-айресской улице Монрое корпел над правкой статей, она варила себе чашку крепкого кофе и одновременно ставила пластинку, ко-

торая ей поднимала настроение, чаще всего классическую музыку, но иногда и джазовую (она любила джаз, но «нормальный, без вытъя патлатых», как она выражалась) и начинала отстукивать на «Ремингтоне» деловые письма.

В те времена состоявшая в Обществе «Русский Сокол» молодёжь моего возраста устраивала доклады на темы русской литературы и истории. Когда в двух номерах парижского журнала «Возрождение» были напечатаны «Письма из Русского Музея», мы все были поражены смелостью Владимира Солоухина и устроили их публичное чтение в Корпусном Доме. Татьяна Владимировна произнесла вступительное слово, в котором подчеркнула:

«Вызывает огромное моральное удовлетворение когда видишь, что человек как Солоухин, находящийся от тебя за тридевять земель и выросший при советской власти, однако думает и чувствует как и ты».

Татьяна Владимировна очень переживала церковные нестроения в Аргентине, где общественные деятели Евгений Месснер и Николай Сахновский подняли бунт против правящего иерарха РПЦЗ, архиепископа Афанасия (Мартоса). В конце 1967 года Буэнос Айрес посетил архиепископ Никон (Рклицкий) Вашингтонский и Флоридский, который постарался всех здесь примирить, но ничего не вышло. В местном церковном конфликте, он был явно на стороне правящего архиерея Аргентинско-Парагвайского Афанасия. И это неудивительно, так как Месснер и Ко распоясались совершенно.

Владыка Никон, когда мы везли его на такси из Центра Русских Белых ужинать в редакцию, спросил мнение Татьяны Владимировны о Сахновском. Она, не умея кривить душой и выкручиваться когда дело касалось лжи или правды, сказала ему, что считает Сахновского фанатиком с узкими шорами.

Владыка с ней согласился и поведал, что уговаривал Сахновского помириться с Владыкой Афанасием, ввиду прибытия Курской-Коренной Чудотворной иконы, но Сахновский гордо отказался.

Другой фронт, который её очень беспокоил, был династический. Поведение князя Владимира Кирилловича, давшего недопустимое интервью немецкому журналу «Зибен Таге», восхвалявшего советских космонавтов и нацепившего на себя Орден Святого Георгия 1-ой Степени, её глубоко удручало.

С самого начала, обсудив эту тему со мною, она согласилась понемногу начинать противостоять «культу личности» Владимира Кирилловича. На эту тему 13. 8. 1970 она писала общественно-политическому деятелю С. Л. Войцеховскому: «Для меня мой муж Всеволод Константинович как личность всегда останется

на очень высоком пьедестале и если я в ведении газеты ввожу какие-то новшества, какие-то изменения, то только потому что у каждого человека есть свои мысли, свой подход к тому или иному вопросу, свой метод действий в том или ином случае, да наконец свой собственный характер.

Ещё при жизни мужа я не была согласна с величанием Владимира Кирилловича «государем» и я это высказывала самому Всеволоду Константиновичу. В то время он уже был очень болен и после того как я поняла, что моя критика доставляет ему тяжелые переживания и вредит его больному сердцу, я прекратила свою критику. Всеволод Константинович был стопроцентно согласен, но у него уже не было жизненных сил для какой бы то ни было борьбы. Совершенно естественно, что являясь «креатурой» Всеволода Константиновича, оставшись без него, я не могу остаться на мёртвой точке, на той линии, которую он проводил. Новый энтузиазм у меня и новый молодой редактор (Н. Л. Казанцев) не могли не изменить, не заставить эволюционировать мою деятельность. Но эти изменения, этот обратный ход к истокам идей И. Л. Солоневича я не хочу делать резко».

Буэнос Айрес, начало 60-х годов

Несколько позже, 17.10. 1970 она попросила меня составить черновик пояснительного письма тому же Войцеховскому, на ту же тему:

«Многое в творчестве Солоневича противоречиво и устарело. Но аргументация Солоневича в защиту монархии – не превзойдена до сих пор ничем. Это самое сильное пропагандное оружие, которым мы, монархисты, располагаем. Когда мы говорим о возвращении к линии Солоневича, мы подразумеваем две вещи: 1. Перенесение центра тяжести на статьи и материалы идеологического характера – защита нашей исторической государственности и обоснование монархического принципа, которое Солоневич поставил на такую высоту. Обоснование не восклицательными знаками и заглавными буквами, а серьёзными религиозными, политическими,

историческими и социологическими аргументами. Исполнение этой первой задачи от меня зависит очень мало – оно зависит от сотрудников Нашей Страны, которых я усердно прошу писать на эти темы. 2. Очистка газеты от всякого низкопоклонства, подхалимства, пустословия и голословности, каковые при жизни Солоневича не только в газете отсутствовали, но и им беспощадно бичевались. Это вторая задача в очень большой степени зависит от редакции «Нашей Страны» и от её умения противиться нажиму Алексея Ростова и его единомышленников, но одновременно не оттолкнуть их от газеты».

Когда умер Николай Павлович Рыбаков, редактор газеты «Россия» в Нью Йорке, С. Л. Войцеховский выразил мысль, что «Наша Страна» могла бы стать «информационной газетой правой – в широком смысле этого слова – части русской эмиграции». Это конечно нас очень заинтересовало, но впоследствии из сей затеи ничего не вышло.

К 1970 году тираж нашей газеты был 900 экземпляров. Около 150 рассылались бесплатно. В архиве издательства оставалось по 20-25 экземпляров. Касса газеты находилась почти постоянно в кризисном состоянии. Очень часто у Татьяны Владимировны еле-еле хватало денег для уплаты очередного номера. А иногда приходилось занимать деньги.

Для пополнения бюджета «Нашей Страны» Татьяна Владимировна взяла побочную работу: издание книги С. Шпаковского «Женщина-воин». Трудно ей было править оригиналы, сделать четыре корректуры и несколько раз было необходимо её присутствие в типографии (автор не имел понятия ни о типографии, ни вообще о том, как издаются книги). Гонорар за эту работу она получила только когда книга вышла, а пока, как она мне говорила, «держала зубы на полке». Она сетовала, что были такие люди, которые не верили, что Всеволод Константинович, а потом и она, вторую половину каждого года крутились как белка в колесе для того, чтобы вытянуть и не дать закрыться газете из-за безденежья.

Татьяна Владимировна очень увлеклась Солженицыным. Когда она взялась за книгу «В круге первом», то сказала мне, что всё время пока эту книгу читала чувствовала состояние человека, у которого от сильного переживания захватило дух, и стало тесно в груди. Но обыкновенно, – уточнила она, – такое состояние у человека бывает несколько секунд, минут, а у неё оно было в течение многих и многих часов, пока она читала. Такой эмоциональной она была во всём...

Я познакомился с ней когда прошло уже несколько месяцев после кончины её мужа. Но она дальше продолжала переживать его смерть, хотя – парадоксально – вышла за него

замуж по принуждению. Безумно влюблённый в неё Сева грозился в противном случае пустить себе пулю в лоб. Однако вышло как в поговорке: стерпится - слюбится... И поэтому она дальше страдала.

В письме Анатолию Григорьевичу Макриди от 21 сентября 1969 Татьяна Владимировна откровенничала: «Насчёт моего внутреннего душевного состояния, я грустная. И скучно и грустно и некому руку подать. Я прожила 20 лет с человеком, который был для меня всё, был и на пьедестале и самым родным и близким, я с ним не расставалась почти никогда. Всеволод Константинович всегда говорил, что мы должны считать вдвойне годы нашего брака. И я так привыкла, что это стало неотъемлемым и необходимым для меня – делится абсолютно всеми мыслями, всем, всем, что думается. И он тоже делился с мной всеми мыслями. И дошло до того, что мы не только с полуслова понимали друг друга, но и достаточно было взгляда, чтобы уже догадаться, что мы думаем. И вот теперь, когда острота горя прошла, когда я не чувствую физической страшной тяжести в груди, когда я выхожу, танцую (не очень часто), за мной кто-нибудь ухаживает (не серьёзно), играю в бридж, - иными словами когда я начала нормальный образ жизни, я почувствовала, что я не в состоянии не иметь с кем слова молвить, что я безумно страдаю от одиночества, что мне невероятно не хватает этого постоянного общения, духовного единства. И я не нахожу себе места».

Почему она не смогла начать новую жизнь останется загадкой. У неё был хороший вкус, она была весьма

хороша своей оригинальной внешностью, манерой держаться и ростом. Улыбка ей очень шла. Правда, и без неё, большие, породистые и грустные глаза были не менее привлекательны.

Говорят, время излечивает. И если не излечивает, то значительно облегчает работа. Но ни то, ни другое не помогало. Тому же Анатолию Григорьевичу Макриди она писала 11-го апреля 1974-го:

«У меня была почти полтора года очень сильная депрессия, сплин, хандра, не знаю ещё как назвать. С этим я начала бороться не сразу. Но обращаться к психиатру не считала нужным, так как хотела справиться с этим сама. Часто, почти непрерывно у меня была такая тяжесть на душе, так всё не хотелось, так опускались руки, что в конце концов я поддалась этому состоянию. В первый раз в жизни я оказалась слабой. Но признаться брату не хотела, так как боялась, что он будет настаивать на психиатре. А я этих господ недолюбываю и главное, им не верю. Затем нагрузка работ над двумя книгами, а депрессия не проходит. Никаких интересов не было, никого не хотелось видеть. Я всё следила за собой, станет ли хуже. Хуже не становилось, но и не лучше. Пичкать себя таблетками против депрессии тоже не хотела, так как тоже не верю в их действенность. Из-за этого моего состояния и отвращения ко всему, я не исполняла всего того, что должна была. Теперь, когда я освободилась от депрессии, (долгое время боролась и очень горда, тем что поборолась её без помощи психиатра-обманщика) ещё с большей радостью встречаю Пасху. Мне кажется я более или менее угадываю одну из причин (кроме возраста) моей депрессии. Я не могу переносить одиночество. Я не приспособлена к нему. Не могу привыкнуть. Без личной жизни всё-таки не обойдётся. И она нужна. А её почти нет. Разве только группа молодёжи, которая привязалась к моему дому. Тоже играю в бридж, встречаюсь с людьми. Но встретишься и разойдёшься. И всё-таки домой придёшь одна».

К величайшему сожалению, депрессия она так и не победила. И Макриди и я уговаривали её бросить курить. По настоятельной просьбе её подруг. я также умолял её бросить другую вредную привычку. Но уже было поздно, раковая опухоль неумолимо разрасталась.

Всю жизнь мы с ней были на Вы. Когда я её посетил в госпитале, сильно похудевшую, перед отправлением на фронт, она меня обняла и предложила: «Уж давайте хоть сейчас перейдём на Ты». Разумеется, я согласился. Но, увы, вплоть до её кончины мне больше не довелось общаться с ней на такой манер.

Вместе со мной она всегда горячо переживала каждое хоть крохотное изменение в России. К сожалению она не дождалась августа 1991 года, который - как и я - Татьяна Владимировна восприняла бы как начало возрождения любимого отечества. Но зато она избежала разочарования от несбывшегося освобождения.

Николай Казанцев

ГЛОБАЛИСТЫ ОТСТУПАЮТ

1. Президент Трамп произнёс первую речь в Конгрессе. Приводим её краткое изложение.

«Мы должны восстановить верховенство права на наших границах. По этой причине мы начнём строительство великой стены вдоль нашей южной границы для защиты от наркотиков и преступности. Мы потратили 6 триллионов на Ближнем Востоке на войны, вместо переговоров. На эти деньги можно было бы отстроить страну дважды. А может и трижды, если бы у нас были люди, которые умеют договариваться. Мы хотим мира везде, где мир может быть достигнут. Сегодня Америка дружит с бывшими врагами. Этот исторический урок должен дать нам веру возможность улучшить мир. Америка настроена искать новых друзей и наладить новые партнерские отношения. Мы хотим гармонии и стабильности, а не войны и конфликта. Нам нужно учиться на ошибках прошлого. Мы видели войны и разрушения, которые бушуют по всему миру. Но мы знаем, что Америка лучше, когда конфликтов меньше, а не больше».

2. Английский премьер Тереза Мэй нанесла визит Трампу для обсуждения выхода Англии из Европейского Союза. Трамп не только открыто поддержал выход Англии и, но назвал свою победу на выборах американской версией Брексита. Британский референдум и успех Трампа на выборах объединили этих лидеров. Они намерены начать переговоры о заключении соглашения о свободной торговле, что облегчит выход Англии из ЕС.

3. США будут относиться к ЕС безразлично, тем самым свернув со своего традиционного поли-

тического курса. Трамп подчёркивает это принимая Терезу Мэй, которая намерена проводить в жизнь «жесткий» сценарий вывода Британии из ЕС.

Безразличие уже само по себе свидетельствует о кардинальной смене курса Вашингтона. Укрепление связей между США и Англией происходит в контексте перетасовок карт в мировом масштабе. Визит Мэй служит доказательством, что Трамп выступает против глобализации и интеграции в том виде, в котором они осуществляются в ЕС.

3. Лидер французского Национального Фронта Марина Ле Пен объявила о своей программе на сегодняшних президентских выборах. Одним из главных предложений являлся выход Франции из ЕС, нормализация ситуации с беженцами и выход Франции из шенгенского соглашения о свободных границах. О выходе из ЕС имелось в виду провести референдум.

Все мы согласны с тем, - говорила Ле Пен, - что ЕС - это провал. Он не выполнил ни одного из своих обещаний о процветании и безопасности. Даже хуже, он навязан в форме опекуна, что держит нас связанными. Кто может быть доволен, когда система, которая держит нас в цепях, сама не работает и, что ещё хуже, мешает нам действовать?

В борьбе за пост главы государства Марину Ле Пен вдохновлял пример Трампа. По её выражению, невозможное может стать возможным - и наперекор системе можно не только победить, но и выполнить свои предвыборные обещания.

Е. Кармазин

МЕРЫ ТРАМПА - ПРОВАЛ ЗА ПРОВАЛОМ

Число американцев, которые считают, что Дональд Трамп выполняет свои обещания, значительно снизилось. Об этом свидетельствуют данные опроса, который организовала в конце апреля организация Гэллоп. Ещё пару месяцев назад 62% респондентов считали, что американский президент всегда держит своё слово. Однако к началу апреля данный показатель снизился на 17 процентных пунктов - до 45%.

Отметим, что за последние два месяца рейтинги Трампа значительно ухудшились. Так, в феврале 59% американцев называли Трампа «сильным и решительным лидером», однако сейчас так считает 52% респондентов.

Менее половины опрошенных заявили, что президент сможет провести необходимые для страны реформы - 46% в апреле, против 53% в феврале. Честным и заслуживающим доверия Трампа назвали 36% респондентов, хотя два месяца назад этот показатель был лучше - 42%.

Строительство стены на границе США с Мексикой откладывается, конгрессмены не хотят отдавать на эти цели \$1,5 млрд, которые запрашивает президент Дональд Трамп, и включать эти расходы в новый бюджет.

В последние недели Трамп активно, но с очень малым успехом пытается воплотить свои главные предвыборные обещания. В апреле спикер палаты представителей Пол Райан в последний момент отозвал законопроект об отмене всеобщего медицинского страхования "Обамакэйр" и признал, что республиканцам не хватает для него голосов. У партии Трампа большинство в обеих палатах Конгресса, однако отмену программы страхования не поддержала часть самих республиканцев. Самые консервативные считали, что альтернативный проект слишком похож на систему Барака Обамы, а более умеренные однопартийцы побоялись, что проиграют выборы, если миллионы американцев лишатся страховки.

Трамп также своим указом отменил комплекс мер по борьбе с изменением климата Обамы, одним из главных пунктов которого было сокращение выбросов парниковых газов. Трамп связал подписание указа с «началом новой эры», которая де возродит угольную промышленность и принесёт новые рабочие места. Это не случится, так как против сей инициативы будут возбуждены судебные иски. Трамп также пообещал сконцентрироваться на проведении в ближайшее время налоговой реформы в стране.

Б. Гасан

ЗАДОЛЖЕННОСТЬ

Редакция обращается к читателям, доселе не внесшим подписную плату за текущий год, с покорнейшей просьбой сделать это незамедлительно. Газета переживает финансовый кризис вследствие того, что её читатели, увы, "пулемётными очередями" уходят в лучший мир...

Посему, к большому сожалению, нам придётся прекратить её высылку тем подписчикам, которые в ближайший месяц не погасят свою задолженность и не внесут подписную плату за 2017 год.

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 И. Л. Солоневичем. Издательница: Лидия де Кандия. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для чеков: Nicolas Kasanzew, 6040 SW 49th St Miami FL 33155 USA. Адрес для писем: N. Kasanzew, Av. Cabildo 2349, Casilla de Correo 10, Buenos Aires 1428, Argentina. Цена годовой подписки: В Аргентине - 500 песо

В Европе - 55 евро. В Австралии - 80 американских долларов. В Канаде - 70 американских долларов. В США и остальных странах - 65 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Банковские передачи: Nicolas Kasanzew, 898079164299 Bank of America, 1108 Kane Concourse, Bay Harbor Islands, FL 33154-2068, USA Routing: 063100277 Swift: BOFAUS3N. Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты.

NUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представитель во Франции - E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Редакция имеет право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Электронный адрес: kasanzew@gmail.com При перепечатке ссылка обязательна.

Антон Васильев

Глава из романа "Пётр Врангель"

Книга вторая
«Сквозь смуту»
Глава девятнадцатая
ТВЁРДАЯ РУКА

- Да, господа, повторяю, только твёрдая рука. Только умелое и жёсткое командование. Римляне, когда их войска бежали, вводили децимацию, казня каждого десятого. Эта казнь была страшна тем, что жребий мог выпасть не тем, кто трусил и бежал, а героям, стоявшим до конца. - Нам он уже выпал, Пётр Николаевич, - грустно улыбнулся молодой граф Пален, глядя на огонёк свечи сквозь вино в стакане.

Врангель жил в столице, ожидая хоть каких-то светлых вестей из армии. Но пассивное ожидание было не в его характере, и он пытался хоть что-то делать, сплывая вокруг себя офицеров - к счастью, многих дважды просить не приходилось...

- Кого же вы видите на роль Марка Красса, барон? - Покамест двоих. Во-первых, Лечицкого, командующего девятой, соседа моих уссурийцев в Карпатах - это твёрдый и решительный генерал старой выковки. И другой карпатский герой, его имя погромче - Корнилов, Лавр Георгиевич! - Кумир офицеров! - лица собеседников просветлели. - Корнилов, господа, даже предпочтительнее: возглавляет Петроградский военный округ...

Врангелевцы создали небольшую штаб, наладили связь со всеми военными училищами и некоторыми частями в столице и окрестностях, организовали ряд офицерских дружин. Бывший офицер маньчжурских частей специального назначения, Врангель блестяще организовал разведку. В городе действовало порядка десяти контрреволюционных союзов - «Союз Георгиевских Кавалеров», «Союз Чести Родины», «Батальон Свободы», «Добровольческая дивизия» и пр.

...В эти дни Керенский болтался в войсках, как обычно, истерически призывая войска защищать революционные завоевания. Благодаря этим «инспекциям» предстоящее наступление очень скоро перестало быть секретом для врага. Назначенный командиром 7-й кавалерийской дивизии, Врангель выехал в Каменец-Подольск. Разговоры с офицерами штаба удручали. - Во время прорыва изменили и ушли с фронта гвардейские гренадёры - капитан Дзевалтовский увёл, мерзавец... за ними побежала и вся 9-я армия. Один Корнилов контратакует, но его потери велики, а пополнения уже распропагандированы и не желают наступать... А ведь прорыв начинался неплохо, скинули немцев в Сбруч, взяли Галич и Станиславов.

Это была печально знаменитая Тарнопольская катастрофа 17-го года. Противник захватил Тарнополь, угрожая захватить фланг 8-й армии Корнилова. «Демократизированная» армия, не желая лить кровь ни за какую революцию, бежала, как стадо баранов. В отличие от австрийцев, стоявших год назад перед фронтом Луцкого прорыва, теперь против русских действовали, кроме них, гораздо более стойкие германские части с сильной артиллерией. Их контратаки заставили Корнилова, уже вклинившегося в позиции врага, отступить. Ударники

лишь одного офицерского батальона задержали в тылах 11-й армии 12 тысяч дезертиров.

Обезумевшие толпы солдат, под большевицкие приказы «Смерть буржуям!» убивали офицеров, насиловали женщин и даже детей.

Недавно ставший командующим Юго-Западным фронтом, Корнилов отдал приказ расстреливать дезертиров на месте. И надо сказать, что и этот приказ, и Тарнопольская катастрофа действовали на армию отрезвляюще, да и в деревне подоспела уборочная страда, когда мужикам не до политики. Менялись и настроения интеллигенции.

Иллюзии, что революция и демократия приведут страну к победе, рухнули вместе с фронтом под Тарнополем. Остался лишь один путь: жёсткими репрессивными действиями восстановить боеспособность армии. Для этого требовалось низложить «советы рачьих и собачьих депутатов».

Нарождалась идея военной диктатуры, и попытка мятежа в войсках Петроградского округа, подавленная казаками и бронетехникой, только помогла.

В штаб 8-й армии в городке Станиславов Врангеля затребовал новый командир армии после Корнилова, генерал Черемисов, маленький, чернявый, энергичный. Начальник штаба стал генерального штаба полковник Меньшов, генерал-квартирмейстером - полковник Левитский. Черемисов обрисовал барону обстановку.

Врангель должен был, сведя в корпус две дивизии - свою 7-ю и казачью кавказскую 3-ю, действовать на стыке 7-й и 8-й армий, прикрывая их отход и обеспечивая фланги. Дивизия досталась Петру Николаевичу, по тогдашним меркам, хорошая. Её составляли Ольвиопольский уланский полк, Кинбургский драгунский, Белорусский гусарский и 11-й Донской казачьи полки. Начальником штаба был полковник Дрейер.

- На офицеров вы всецело можете положиться, - заверил барона исполняющий обязанности дежурного генерала, полковник граф Гейден. В кабинет вошёл молодой человек в британском френче.

- Комиссар 8-й армии Филоненко, - представил его Гейден. Филоненко (звание комиссара тогда не было столь зловещим) объявил себя горячим сторонником Корнилова. - Я мог бы помочь вам удалить из дивизии неблагонадёжных солдат и офицеров, - предлагал он Врангелю за обедом в столовой. Барон отговорился тем, что он человек новый и дивизии не знает. Методы корпуса жандармов всегда претили русским офицерам - фронтовикам...

На следующее утро по приезде Врангеля вызвал к себе Корнилов, живший в верхнем этаже маленького двухэтажного дома при штабе. Он совсем не изменился с тех пор, как они встречались год назад на Высочайшем завтраке - Государь чествовал Лавра Георгиевича за побег из плена.

Невысокий, сухой, смуглый, с бородкой клинышком и чёрными усами, он походил на калмыка или туркмена, говорил выразительными отрывистыми фразами. Он очень спешил в штаб фронта. Пётр Николаевич сообщил ему, как обстоят дела в столице,

поведал об офицерском обществе заговорщиков и предложил сделать связным прибывшего с ним графа Шувалова. - Назначая его ординарцем, - ответил Корнилов.

После обеда Врангель выехал на легкой машине в расположение своей новой дивизии, в тридцати верстах от Каменца, на пути в Галич. Он успел лишь объехать несколько частей, инспектируя их, когда возле них остановил взмыленного коня порученец. - Ваше превосходительство, поступил приказ отступить на Станиславов. Мы прикрываем фланг 8-й армии.

...Русские войска отходили по всему фронту, и последним оборонительным рубежом была река Сбруч. Врангеля наутро ждали в штабе армии. Он снял номер в гостинице, в соседних разместил адъютанта и ординарцев. Его клонило от усталости, он заставил себя помолиться и лёг. Кровать для него была коротка, пришлось лежать по диагонали, но забытьё навалилось почти мгновенно. Сквозь сон ему чудились крики и шум. Да оставьте же, ради Бога, дайте выспаться! Но нет. Крики всё громче, истошнее...

Барон встал, натянул мундир и сапоги, от которых так и не удалось отдохнуть, накинул шинель. Голова разламывалась от недосыпа. Внизу, в вестибюле, слышалась громкая возня, закричала женщина. Врангель в коридоре проверил револьвер. Из соседних номеров выглядывали его спутники. - Ваше превосходительство, - от лестницы спешил бледный адъютант, - на улице погром... Разбивают магазины!

- Живо все вниз, - приказал барон, приготовить оружие. В полутёмном вестибюле к Врангелю бросилась, умоляя о помощи, молодая еврейка.

- Пани генерале, - сквозь рыдания выговаривала она, смешивая русскую и польскую речь, - нас ограбили, моего ойца избили... На милосць Бога! Мы ниц не винны! Разве люди виноваты, что у них разный Бог? С улицы в коридор просачивался дым пожара. Прислонившись к стене, стоял еврей в растерзанной одежде, кровь текла по седой бороде.

- Бог един, - ответил Врангель. - Люди, к сожалению, разные...

На улице барон и ординарцы угодили в задымленный хаос. Город горел в нескольких местах, посреди мостовой валялись затоптанные товары магазинов и лавок, взломанных солдатами. Переулки заторились обозными фурами. На площади сгрудились оружейные упряжки и снарядные ящики. Из окон соседних домов вырывались языки огня, летели искры.

- Как вы встали, подполковник, у вас же снаряды взорвутся, кругом пожар, - отчитывал Врангель командира артиллерийского дивизиона. - Дайте мне казаков хоть десяток. И возьмите себя в руки, вы же офицер! - Что вы сможете сделать в этом Содоме, ваше превосходительство, - махнул рукой вконец потерявшийся и, кажется, не вполне трезвый «бог войны».

- А вот что... Во главе небольшого отряда Пётр Николаевич вошёл в ближайший магазин. Несколько громил в расхристанной солдатской форме, все осыпанные опилками, вытаскивали из упаковочных ящиков фарфоровую посуду. От кулачного удара бывшего маньчжурского охотника за «языками» ближайший погромщик полетел кубарем.

- Казаки! В нагайки всю эту сволочь! - загремел Врангель. Бандиты в панике кинулись вон.

Такие же рейды Врангель провёл и по соседним магазинам. Через пару часов затор артиллерии и обозов был пробит. Поутру через город проходил польский уланский полк, который с большим энтузиазмом начал расстреливать «пся крив» на соседних улицах. Когда взойшло солнце, в городе стало спокойно.

К восьми часам подошла дивизия Врангеля, и он занялся формированием штаба, с бору по сосенке - частично из офицеров соседней казачьей дивизии.

Завтракая в офицерском собрании, барон приглядывался к немолодому прапорщику с подстриженной бородой и подглазными мешками, выделявшемуся своим сумрачным, безразличным ко всему, видом.

- Кажется, мне знакомо ваше лицо... Не припомню только, где приходилось вас видеть. - Вероятно, на газетных карикатурах... Бывший военный министр Гучков. Врангель тщательно подбирал слова для следующей реплики. - Я хотел встретиться с вами в Петрограде... *Задать вопросы*

относительно приказа №1. - Только задать вопросы? Меня многие офицеры обещали пристрелить за него... - А вы не пробовали поставить себя на их место? - Попробовал... видите, я здесь? Да я мог бы, мог отменить этот приказ властью военного министра. Но, Вы полагаете, офицерам снова стали бы отдавать честь? Алексеев уже конфузился, когда ему по старой привычке становились во фронт... - Жизнь положу, - глухо проговорил Врангель, - но снова научу этому...

Немцы наступали на Монастыржиско, и врангелевская 7-я дивизия заняла оборону в нескольких верстах восточнее. Дивизион Кинбургских драгун остановил наступление вражеской колонны, захватив десятки пленных и пулемёт. Маневрируя на стыке 7-й и 8-й армий, дивизия в составе 3-го конного корпуса беспрерывно сражалась в арьергарде, жертвуя собой ради пехоты, которая лишь бежала, мародёрствуя...

«Уча вновь отдавать честь», барон Врангель тремя конными полками заставил отступить немецкую кавалерийскую бригаду. К вечеру враг подтянул тяжёлые орудия, и лес, где стояла дивизия, заволкло дымом разрывов. Врангель гостил у офицеров 7-й дивизии. У домика лесника накрыли стол, пили чай из самовара. Едва барон вылез из стремян, послышался гул летящего снаряда. Разрыв грохнул за домом, проскакала с диким ржаньем раненая лошадь. Спешенные конники потянули коней подальше в лес. Ещё немного, и с таким трудом налаженная дисциплина рухнет, начнётся беспорядочный отход...

- Смирно! - скомандовал Пётр Николаевич. - Ну-ка, братец, чаю принеси! Осколок нового снаряда, жужжа на излёте, упал на траву возле самого стола, за которым барон подносил к губам стакан. Он поднял его и бросил к ногам солдат:

- Бери, горяченький! К чаю на закуску! И просветлели, заулыбались лица солдат, вновь ставших прежними...

После артиллерийского обстрела Врангель повёл их в атаку. Конники выбили немцев из деревни, захватили триста пленных, четыре

пулемёта и освободили захваченных в утреннем бою русских солдат. Но враг контратаковал, сбил боевое охранение. Удерживая левый берег Хотина, Врангель бросил в бой 2-ю бригаду своей дивизии и полностью восстановил положение, получив после боя от генерала Черемисова телеграмму: «Честь и слава Сводному корпусу».

Солдаты наградили барона Георгиевским крестом образца 1917-го года, к колодке которого крепились лавровые ветви.

...В начале июля к Корнилову пришла делегация украинских землевладельцев, просивших дать солдат для охраны урожая. -Дам, -ответил Лавр Георгиевич. -Но эти же солдаты пристрелят вас, господа, если вы будете его плохо убирать!

Левым Корнилов казался солдафоном и диктатором, правым - масоном и изменником Царю. Думаю, что он не был ни тем,

ни этим. Истина часто лежит посреди крайних мнений. -А если Учредительное Собрание восстановит династию? -спросил его Деникин. -Подчинюсь и уйду, -ответил «диктатор» без колебаний.

Общественные деятели страны 10 августа договорились на всероссийском совещании, что «временные» ведут страну к гибели, что надо восстановить власть командного состава в армии и порвать с Советами. В день приезда на совещание генерала несли на руках к автомобилю. Собираясь в тайных организациях, офицеры пели гимн оскорбленной армейской чести: "Смело, корниловцы, в ногу: С нами Корнилов идёт. Спасёт он, поверьте, Отчизну, Не выдаст он русский народ!"

И в это время Милюков от лица кадетской (либеральной) общественности заявил, что «настроение масс» таково, что

онные выступят против Корнилова в случае его активных действий против Керенского и Совдепа! Так что, мол, на кадетов не рассчитывайте... Остальные интеллигенты - общественники, не желая показаться «приверженцами генеральской диктатуры», стыдливо присоединились к «гиганту мысли и отцу русской демократии»... Интеллигенция «содействовала».

-Чтоб ни одного кадета не было в переходном правительстве! -рубнул Лавр Георгиевич, узнав о трусости «мыслящей общественности». 16-го августа он был назначен Верховным Главнокомандующим. «Твёрдая рука», о которой мечтал врангелевский кружок, начала наводить порядок. Командиры приободрились и подтянулись; самоуправство «войсковых комитетов» ограничивалось, подразделения

вновь стали приходиться в христианский вид. Врангель пообещался с комитетчиками, и они даже помогли корпусу добыть новое обмундирование!

В августе Временное Правительство выслало из России фрейлину Императрицы Вырубову, доктора тибетской медицины Бадмаева, бывшего главного редактора правой газеты «Земщина» Глинку-Янчевского и председателя Союза Георгиевских Кавалеров Эльбегрена. Демократы высылали людей за убеждения...

Керенский, когда Корнилов с верными частями уже подходил к обезумевшему Петрограду, объявил его... изменником отечеству! Либеральная пресса в Петрограде писала о Корнилове так: «**Враги народа** должны быть лишены свободы... С ними должно быть поступлено... как с **предателями родины**».

История в кривом зеркале

Недавно на Интернет-Соборе было воспроизведено интервью с Анастасией Георгиевной Шатиловой, взятое Ольгой Митрененой за два года до её кончины, и появившееся на Портал-Кредо в 2003 году.

Анастасия Георгиевна, безусловно, человек незаурядный, многое видевшая и много знавшая о Зарубежной Церкви благодаря своему многолетнему положению в Синодальной Канцелярии и тем, что была родной дочерью и помощницей приснопамятного Владыки Григория (Габбе), бывшего в течение полувека опытейшим Начальником этой Канцелярии и правой рукой трёх первых наших Первоиерархов.

Однако, основываясь на суждениях высказанных ею в этом интервью, изучать историю Зарубежной Церкви и знакомиться с её видными личностями - советовать никак не приходится.

Анастасия Георгиевна была, можно сказать, «белой вороной» в семье. Владыку Григория многие критиковали, некоторые недолюбливали из-за его сильного характера, и от того, что он был всевластным Секретарём Синода РПЦЗ. Но его неизмеримые заслуги перед Церковью никто убедительно оспаривать не может.

Был он богословом, крупным знатоком церковных канонов, историком и, если кто его не любил, то никак не за его человеческие качества, а в основном из-за его крайней неприимости, в основном, к Московской Патриархии и вообще в юрисдикционных вопросах.

Но его неприимность, порою и крутость, всегда оставались на подобающем его графскому происхождению и воспитанию уровне. Чего, увы, не скажешь о его старшей дочери... Её покойная тётя, игумения Магдалина, родная сестра Владыки Григория, настоятельница Леснинского монастыря во Франции, её младшая сестра Мария - матушка «Маша» Шишкова - обе воплощённые ангелы, любвеобильные, чуждые всякого злословия. А Анастасия... не будь сказано в обиду, редко случается встретить такой едкий язык, и характер её был притчей во языцех в нашей Церкви.

Если кто сомневается в том, что я тут говорю пусть прочтёт хотя бы это интервью! И так обидно - человек ведь знающий, умный, но своим постоянным,

необдуманным и ни на чём не основанным злословием портит всё то, что могла бы принести в смысле свидетельства, из первых рук и из первых уст, о Зарубежной Церкви, о её самых видных личностях.

Кто не со мной - заметьте, до малейшей йоты не со мной - тот против меня! И тут уже не стоит ожидать хоть малейшего снисхождения, или самой простой объективности, нейтральности!

Хотелось бы знать (да стоит ли?!), чем не угодил приснопамятный Архиепископ Аверкий, общепризнанный столп и гордость Зарубежной Церкви, чтобы быть безжалостно низвергнутым, в какого-то невзрачного, будто малоуважаемого просто «Аверкия»?! И то ещё хорошо, что с прописной буквы!

Если такое отношение к такому алмазу, как Архиепископ Аверкий, то неудивительно читать про «Варнаву» и «Лазаря», которых она, известно, в сердце не носила.

Но самое недопустимое это её характеристика св. Иоанна Шанхайского. Прочитаешь её тут воспоминания и спросишь самого себя: а на самом ли то деле он святой? Повторяет она советские, вернее патриархийные, бредни, будто Владыка Иоанн признавал МП и благословлял тех, кто из его паствы возвращался в Советский Союз, иными словами поощрял таких возвращенцев. До некоторой степени - противно читать!

В Леснинском монастыре будто все радостно вздохнули, когда он покинул Францию!? Выходит - наконец, мол, избавились! Такие высказывания до того преступно глупы, что читатель может сделать естественный вывод, что такую информацию она держит от своей родной тётки, игумении Магдалины. Когда на самом деле все монахини прямо молились на святого Владыку! Можно ли такую дурь пускать в интервью, которое разойдётся по всему российскому рассеянию и по всей России и будет восприниматься за историческое свидетельство неопытными, не знающими людьми?

Кстати, не в Париже убили в 1934 году Короля Александра, а в Марселе и, насколько мне известно, не «регулярно», а однажды он стал среди главного проспекта города на том месте, где от руки усташа был убит Король, и среди уличного движения, в полном облачении отслужил панихиду.

Да, такой был не от мира сего наш святой Владыка Иоанн.

И о святом нашем Митрополите Филарете А. Г. Шатилова отзывается без особого восхищения, если можно так выразиться, как о каком-то не совсем полноценном неудачнике. Очень сомневаюсь, чтобы её отец, Владыка Григорий, ответил в таком духе на вопрос о своих воспоминаниях о Митрополите Филарете.

Читая это странное интервью с удивительными ответами-воспоминаниями, я с опаской всё ожидал того времени, когда Анастасия Георгиевна заговорит о моём приснопамятном Архиепископе Антонии Женевском и, слава Богу, не дождался. О нём почему-то промолчала. К Владыке Антонию она с особым раздражением относилась так как он, помня её ещё девочкой по Югославии, любил шутить и не боялся её дразнить, что её очень раздражало, так как она привыкла, что к ней скорее с опаской относятся!

Кстати, от того ли что за Вл. Антонием ей не хотелось признавать чего либо положительного, Анастасия Георгиевна делает историческую ошибку, говоря, что когда для выборов преемника Митрополита Анастасия Собор пришёл в тупик и образовалось два непримиримых лагеря среди Архиепископов, Владыка Антоний Сан-Францисский предложил голосовать за Владыку Филарета. Нет, уважаемая Анастасия Георгиевна, не Сан-Францисский, а именно Женевский Вл. Антоний выдвинул кандидатуру самого младшего по сану Владыки Филарета, и мир и единодушие моментально восстановились в Церкви.

С выборами новых Первоиерархов ей вообще не везло. Помню одну мою статью, где я описывал, как происходили в 1986 году выборы преемника Митрополита Филарета. На втором туре было одинаково подано шесть голосов за Владыку Виталия и за Женевского Владыку Антония, и Владыка Виталий был наконец избран жребием, вытянутым старцем-архимандритом Геласием после молебна перед чудотворной Курской Иконой.

Я ещё писал, что на самом деле могли обойтись без жребия, так как второй тур должен был окончиться счётом не шесть на шесть, а семь на пять в пользу Владыки Антония, который никак не хотел быть избранным и которому успешно

удалось уговорить австралийского Архиепископа Павла голосовать не за него, как он намеревался, а за своего духовного отца Владыку Виталия. «А то я с Тобой никогда больше не буду разговаривать!», говорил он ему. На эту статью резко отозвалась Анастасия Георгиевна, написавшая мне: «Что вы пишете всякую чепуху. Я тогда была в Синоде и никто и не подумывал о вашем Владыке Антонии».

Некоторое время спустя, проверив в Протоколах, сама убедилась в своей ошибке и весьма честно письменно принесла извинения. Вещь, которая, кстати сказать, ей вообще была непривычна и, можно себе представить, с большим трудом дававшаяся!

Как не вспомнить тут анекдот, вполне исторически состоявшийся однажды в синодальном здании, где были собраны Архиепископы на каком-то очередном Соборе. Архиепископы до заседания отдыхали в своих келиях, вдруг А. Г. Шатилова выскакивает из Канцелярии и возбуждённо визжит во весь голос: «Она сказала, что я стерва!». И тут, как в ответ, сразу же послышался громкий, звонкий голос Владыки Антония, вышедшего из келии в коридор и спросившего: «Настя, кто это тебя так хорошо знает?!». Это конечно была очередная остроумная владыкина невинная шутка, вроде игры со всё той же «Настей», (её листок окрестили "Nasti News" - "Противные Новости") на что обидеться она даже не могла.

Однако, несмотря на все мои оговорки, одно остаётся неоспоримо, и надо воздать должное и Анастасии Георгиевне и особенно Вл. Григорию: когда они были хозяевами в Синоде, то был образцовый порядок не только в архиве, но и во всех записях, входных и выходных, никакие документы не исчезали, купчие не пропадали, никто не копался в секретных бумагах, как это к сожалению стало обыденным делом при Вл. Иларионе, когда комната, где располагался архив, как и весь синодальный дом, стали проходим двором, где рыскали кому только не лень. И результаты такого халатного отношения скоро дали о себе знать, как это в частности болезненно отозвалось в вопросе имущества на Святой Земле. И тут начался развал Зарубежной Церкви.

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый